

— **28 февраля (1986 г.)** - вечер встречи нашего с Сашулей курса по случаю 20-летия окончания университета. Главными организаторами, как и в прошлый раз, были Лариска Зеленкова и Коля Тихомиров. От Лариски мы и узнали про вечер - прислала нам приглашения. Сашуля поехать не смогла, внук на руках, да и желания не было особого, у меня - тоже, но раз всё равно и к Б.Е., и на Лёнькину защиту надо, то уж грех было бы не совместить командировку с этим мероприятием.

— Собирались в кафе "Театральное", новом сравнительно, полуподвальном заведении на Невском между Литейным и Фонтанкой. Народу пришло больше половины курса, наверное, то есть человек около восьмидесяти, в основном - ленинградцы, иногородних - считанные единицы. А тех, кого хотелось бы увидеть больше всего, кому по-настоящему обрадовался бы, - Мишки Давыдова, Славки Борисова, опять не было, все связи с ними прервались... Поболтал маленько с Геней Герасимовым, тот мало изменился.

14 июля 1987 г., там же

— За столом сидел в окружении девчонок, среди которых были из нашей 11-й группы 1-го курса Аня Пушель, Ира Колпакова, Нина Пастух. Я их окатил шампанским (неудачно открыл бутылку, как, впрочем, и почти все остальные - шампанское было неохлаждённым), но они не обиделись. Меня все спрашивали:

— А где Сашенька, почему не приехала?

— На что я отвечал как бы с гордостью:

— С внуком сидит, нянчится!

— Мы с Лариской двое оказались такими лихими, первыми на курсе внуками обзавелись, и за нас был поднят специальный тост. У Лариски Анка, едва ей исполнилось восемнадцать, вышла замуж за курсанта училища, во двор которого выходят окна их квартиры, уехала с ним на БАМ и родила там дочку. Зятем своим Лариска довольна, ездила к ним, живут в вагончике, условий никаких, но не жалуются.

— А я на своего зятя, не удержался, пожаловался Лариске:

— Охломон, из института выгнали, теперь, небось, в армию загремит!

— Та, конечно, утешала:

— Ерунда, - мол, - всё это, молодо-зелено, перебесится...

— С Лариской я договорился, что мы с Лёнькой Захаровым после его защиты, которая будет в Петергофе, к ней завалимся отметить событие, возможно, с оппонентами и со своим спиртным и закусью, естественно. Лариска, компанейская душа, конечно, не возражала.

— Несмотря на антиалкогольную борьбу, спиртного на вечере было достаточно, кто-то даже перебрал и бузил. Расходились за полночь. Я провожал Нину Пастух, бывшую фигуристку-перворазрядницу, так и не ставшую физиком, хоть и окончившую физфак, а занимавшуюся теперь оформлением загранкомандировок в Воейковской Главной Геофизической Обсерватории. Оказалось, живёт совсем рядом с Б.Е., на проспекте Косыгина.

— Мы с ней после младших курсов, разойдясь по разным кафедрам, совсем не общались, а тут вдруг с чего-то почувствовали себя старыми друзьями, оказалось, что есть что вспомнить, хоть бы фотопрактику на первом курсе, например, вместе с Димулей Ивлиевым, нынешним отцом Ианнуарием. Распрощались очень тепло, обменялись адресами.

На вечере встречи выпускников физфака ЛГУ 1965 года, 28 февраля 1986 г.

Я с однокурсницами

Шагимуратов с однокурсниками

Конечно, я не упустил случая побывать в "Юбилейном" на живом хоккее: СКА - "Крылья Советов" 4:0, порадовали армейцы, и вообще - какое всё же отличие от телевизиорной игры! Яркое освещение, шуршание коньков по льду, стуки клюшек и тел о борта, вопли и ругань хоккеистов...

С Б.Е. мы работали плотно, почти каждый день до самого вечера, до программы "Время", исключая мои отлучки, естественно, на встречи с Ириной, с сокурсниками и на хоккей. Закончив работу, усаживались перед телевизором, следили за очередным "историческим" - 27-м съездом КПСС. "Перестройка", "ускорение" - в речах у каждого. Но настоящего анализа положения дел в стране нет. Одни намёки на то, что дела обстоят не так прекрасно, как объявлялось до сих пор, и призывы к этим самым "перестройке" и "ускорению".

— Причины неудовлетворительного положения дел с экономикой не вскрыты, если и назывались, то только следствия. Например, неправильная инвестиционная политика. А почему неправильная? Кто такую выбрал? Кто виноват? И т.д., и т.п.

— Но лозунги "демократизации" и "гласности" на съезде уже тоже звучали, хотя и не так часто, как "перестройка" и "ускорение". Все обратили внимание на то, как Горбачёв одёрнул Кулиджанова (первого секретаря Союза кинематографистов), зашедшегося в припадке славословия.

15 июля 1987 г., там же

— **4 марта** (1986 г.) вечером отметили у Б.Е. его день рождения, 73 года. Из гостей кроме меня днём была Аллочка Ляцкая, а вечером - дочь Лиза с мужем Серёжей, оба врачи. Выпили немного коньяку. Б.Е. пить нельзя, Серёже - тоже (на дежурство надо было) и он пил только пиво.

— Б.Е. отмечает свой день рождения то 3-го, то 4-го марта. Отчего так? Потому что родился по старому стилю 19 февраля, так что по новому стилю дата дня рождения зависит от того какой год - високосный или нет.

— Аллочка расспрашивала меня про Медведева (питомца Кости Латышева, впрочем, отчасти и моего) и про его работу диссертационную. Медведев здесь собирается защищаться, и Пудовкин поручил Аллочке составить отзыв на его диссертацию. Аллочке работа не понравилась, и как написана, и по выступлению самого Медведева у них на семинаре.

— Я высказал Аллочке своё мнение: работа диссертабельна, Медведев - трудяга, хоть звёзд с неба и не хватает, да и пьёт к тому же. Ему не повезло с научными руководителями - Латышевым и Власовым. Первый в геофизике слабо разбирается, хотя защищается

Медведев именно по геофизике. Второй не хотел его на защиту выпускать, пока сам свою докторскую многострадальную не защитит.

—В основе кандидатской диссертации Медведева лежит предложенная Власовым гипотеза о возможности протекания одной химической реакции ($N_2+O(^1D) \Rightarrow N+NO$), порождающей дефицитные продукты - азот и окись азота, очень важные в нижней ионосфере. С помощью этой гипотетической реакции Власов и Медведев объясняли явление зимней аномалии в D-области ионосферы (усиление поглощения радиоволн в зимние дни), причём, если Власову принадлежит идея, то её численный расчёт производил Медведев. В этом, собственно, и заключается суть его работы: если реакция возможна, то будет то-то и то-то, в частности, можно будет количественно воспроизвести зимнюю аномалию. Другое дело - возможна ли эта реакция?

На этот вопрос я твёрдо ответить не могу, но сомневаюсь, что возможна, исходя из мнения такого, например, специалиста, как Гордиец. Тем не менее считаю, что результаты Медведева представляют научный интерес, и защищаться ему можно. Он просил меня дать ему отзыв на автореферат, и я написал положительный.

Что касается недостатков, то они, конечно, особенно в изложении, тем более, что общий уровень научной культуры у Медведева не очень высок.

Думаю, что мне удалось несколько смягчить Аллочкино отношение к медведевской диссертации и удержать её от резкого выступления на защите. Вообще же меня слегка удивило это Аллочкино активное неприятие его работы, сама-то она вроде бы не такой уж специалист в этой области, и Пудовкин вроде бы не против работы (Медведев с Костей обратились к нему с просьбой о защите в ЛГУ, боясь противников Власова в Москве - в ИЗМИРАНе и ИПГ). Удивило ещё и то, что отзыв составляла Аллочка, а не Лариска Зеленкова - главный специалист по D-области у Пудовкина. Ну, да это уж их дело.

5 марта мы с Иринкой встретились в Сестрорецке у Бургвицев, где по обыкновению тётя Тамара побаловала нас всякими вкусностями из своих закровов. Дяде Вове я привёз набор цветных карандашей (тоже дефицит стал) для его теперешнего хобби - изготовления каталога значков его коллекции: в отдельной тетрадке каждый значок перерисовывался в натуральную величину.

Диму Ирина отправила домой, хоть он все документы так и не успел оформить. Бургвицам я не признался, что зятя отчислили, сказал, что дали академотпуск. Уж больно не хотелось его опять обсуждать. На 8 марта Иринка собралась слетать в Калининград, три дня выходных образовалось. У меня же оставалось одно дело в Ленинграде - Лёнькина защита 6 марта в Петергофе, а рано утром 7-го я улетал домой.

С Лёней Захаровым мы поддерживали связь в Ленинграде по телефону. Среди прочих его, естественно, волновала и проблема "снятия стресса" после защиты, так что моему предложению "взять с собой" и пойти к Лариске Зеленковой прямо там, в Петергофе он очень обрадовался. Только вот как "взять с собой"? На защиту тащить, что ли? Защита назначена на 15.15, а магазины "с этим делом" открываются в 14, не успеть, ему ведь пораньше придти надо, плакаты развесить, подготовиться...

Я успокоил его:

- Не волнуйся, давай деньги, я закуплю всё, что надо и отнесу к Лариске, у неё там магазин рядом, а если на защиту и опоздаю, ничего страшного не случится.

На том и порешили. Я ведь у Лёньки в единственном числе составлял всю "группу поддержки" - и научный руководитель, и болельщик, и мальчик на побегушках.

В магазине я появился перед открытием. Очереди за спиртным и у нас в Калининграде в то время ещё не достигли умопомрачительных размеров, здесь же вообще антиалкогольной борьбой не пахло, разве что продажа только с 14 часов, а отдел спиртной в общем зале гастрономическом, и выбор ... - чего хошь, всех сортов, вина сухие и креплёные, водки и коньяки, десятка полтора наименований. И очередь мизерная - человек тридцать алкашей за портвейном-"синькой", который быстро кончился, а с ним и

очередь распалась.

— Так что я без хлопот затарился водкой, коньяком, колбасой, консервами, хлебом, лимонами, конфетами, стащил всё к Лариске (дома был Антон) и успел на матмех минут за 15 до начала защиты. Правда, поплутал я там по дурацкому новому корпусу с Лёнькиной бумажкой в руках, где всё вроде было нарисовано, расспрашивая встречающих, где тут спецсовет матмеха (в этом корпусе ещё и факультет прикладной математики находится), и не получая вразумительных ответов, точнее, получая противоречивые, так что взмылился весь, бегая с этажа на этаж и по коридорам...

— Лёньку я нашёл в состоянии полнейшей прострации. Мандражировать он начал давно, ещё тогда, когда только начал писать диссертацию. А писал он её несколько лет, ничем другим не занимаясь. Потому, говорит, писал так долго, что боялся на защиту выходить.

— А чего боялся-то? - спрашиваю.

— Сраму. Позора. Вдруг спросят чего-нибудь такое, а я не смогу ответить.

— Так готовься, изучай предмет.

— Вот я и изучаю.

— И изучал пять лет, а то и больше. Но что-то уверенности у него не прибавилось, Да, честно говоря, ни хрена он не изучал. Просто тянул резину, как ребёнок, оправдания всякие выдумывал: канцелярской работой его завалили (он ведь замдекана по НИСу года два как стал), машинистку кафедральную не мог допроситься текст напечатать, рисунки сам делал.

— Да ну тебя, Лёня. За год и самому одним пальцем диссертацию отпечатать можно, У тебя же последняя публикация в 1982 году вышла, в "Геомагнетизме и аэрономии", да там год эта работа болталась, значит, последние результаты в 81-м году получены, а нынче какой год? Старееет же всё, новизну труднее доказывать.

— Лёня со всем этим соглашался, но темпы не увеличивал, наоборот, похоже, оттягивал конец, как мог, радуясь всякой задержке по внешним причинам. Но вот час защиты всё-таки настал, и мандраж Лёнькин достиг апогея.

— Я уж тут элениум глотаю, да боюсь, как бы в апатию совсем не впасть. А с утра прямо мутило меня до тошноты, я уж подумывал, не просить ли о переносе защиты по состоянию здоровья, - делился своими страданиями Лёнька, когда мы встретились с ним у аудитории, где была назначена защита.

— Совсем рехнулся? - прокомментировал я это его намерение. Последние мои наставления были такими:

— Главное, Лёня, не задумывайся подолгу над ответами на вопросы. Неси первое, что в голову придёт, лишь бы уверенность в ответе звучала, это всегда хорошее впечатление производит. Даже если не то ляпнешь - не страшно, подумают, в крайнем случае, что ты вопроса не понял, если вообще разберут, в чём вопрос, и каким должен быть ответ. С замечаниями, если не знаешь, что возразить, или не понял их, - соглашайся: да, мол, конечно, это так, Вы правы, но это не влияет на основные выводы моей работы. Понял?

— Впрочем, всё это я говорил Лёньке раньше уже не раз.

— Главное, не растеряться. Смелость города берёт. Ну, с Богом. Вон и Андрюша появился.

— Андрей Михайлов, официальный оппонент, явился к самому началу защиты, минута в минуту, тоже заблудился, хотя Лёнька и встречал его утром (он приехал поездом из Москвы), и объяснял как добраться.

— Процедура защиты началась, как обычно, с зачитания документов. Учёный секретарь очень выразительно зачитал Лёнькину характеристику, особо акцентируя такие моменты Лёнькиной биографии как год рождения - 1938-й (человеку под пятьдесят уже, что, естественно, располагает к снисхождению). Служба во флоте (4 года), а потом работа в шахте - уголёк рубал перед университетом (вот куда лучшие годы ушли), учёба на матмехе (свой как-никак выпускник), аспирантура у покойного Гинзбурга, уважаемого

человека, - всё это несомненно способствовало благожелательному расположению членов спецсовета если не к Лёнькиной диссертации, то во всяком случае к нему самому.

—К тому же, как рассказал Лёнька, помимо его защиты предстояла ещё одна на этом же заседании, одного местного аспиранта, и ожидалась схватка двух кафедр, двух конкурирующих направлений, для которой члены спецсовета берегли силы. При этих благоприятных обстоятельствах Лёнька и выступил вполне прилично. Впрочем, он хорошо обычно докладывался, когда текст выучит, - громко, отчётливо, складно.

—Вопросы ему задавали ерундовые, исключительно для проформы. И тут мне стало ясно, что Лёнька в настоящий момент абсолютно ничего не соображает, смысл вопросов до него не доходит. Он нёс жуткую ахиною, но моему совету следовал чётко: нёс её уверенно.

—Правда, не он один. Какой-то деятель местный пристал к нему с вопросом, как же, мол, он использовал в своих расчётах сечения таких-то процессов, когда они известны с точностью до нескольких порядков? Последнее утверждение было чистой чепухой, поскольку названные сечения известны очень хорошо, с точностью до десятков процентов (а не десятков и сотен тысяч процентов, как утверждал вопрошавший), и Лёнька это знал, но, не задумываясь, ответил, что да, мол, Вы правы, но это не влияет на основные результаты моей работы.

—В результате не выдержал Андрюша Михайлов и, выступая со своим оппонентским отзывом, не удержался, чтобы не лягнуть местного товарища, внесшего смуту с сечениями. Тот возразил, и тем самым состоялась как бы дискуссия, только украсившая защиту. Короче, проголосовали единогласно - за.

16 июля 1987 г., там же

—Потом Андрей меня спрашивал: - Отчего Лёня так поздно защищается?

—Что я мог ему сказать? Постарел, ленив стал, комплексы замучили? Рассказал, как Лёня диссертацию пять лет писал и больше ничего не делал, отстал от науки, естественно, и не страдает от этого. Рассчитывать на него в будущем не приходится, исчерпался.

—И, конечно, я вспоминал, как Костя Латышев, защитившись в 1976 году, говорил мне: - Теперь Лёнькина очередь, надо ему помочь...

—Действительно, Лёня столько сделал для той нашей первой модели, по результатам которой первым защитился Костя, а вот сам Лёня защитился только теперь, через 10 лет после Кости!

—С Лёнькой и Андреем мы отправились после защиты к гостеприимной Лариске, умеренно выпили, Андрей немного попел под гитару, и в одиннадцатом часу вечера они с Лёней уехали: Андрею надо было на московский поезд, Лёня поехал его провожать. Мы с Лариской посидели ещё немного вдвоём, посплетничали. Узнал я, что Лариска с Аллочкой уже не дружат, рассорились по каким-то кафедральным делам, и с экспедицией у Лариски были какие-то неприятности, в результате которых ей так и не удалось пробиться в старшие научные сотрудники. А в пять утра я уже ехал на электричке в Ленинград, до платформы "Ленинский проспект", откуда недалеко до аэропорта. Самолёт мой вылетал в Калининград в семь с чем-то.

—В аэропорту я проторчал с 6.30 до 21.30 - рейс откладывали по метеоусловиям Калининграда несколько раз, пока не перенесли на следующий день. Я позвонил Бургвицам и отправился ночевать в Сестрорецк, а в 9 утра снова был в Пулковое, где проколачивался уже только до 15.00, причём встретился там с Ириной, и мы прилетели в Калининград друг за другом вечером 8 марта.

(продолжение следует)

[Главная страница](#)

[Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)